
КОНТЕКСТ: ФАКТОРЫ И СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

С.Н. Шкель*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ: ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ РЕЖИМНАЯ СРЕДА?

Аннотация. На основе данных проекта «World Values Survey» дается сравнительный анализ политических и социокультурных установок населения в режимах разного типа. Делается вывод, что в наибольшей степени авторитарные установки присущи населению не авторитарных, а гибридных режимов. Обнаружены также свидетельства, что авторитаризм способен не только блокировать, но и обращать вспять распространение либерально-демократических установок. Тем самым тезис теории институционального обучения о влиянии политических институтов на политическое сознание подтверждается и на примере недемократических режимов.

Ключевые слова: политическое сознание; политические режимы; институты; авторитаризм.

* **Шкель Станислав Николаевич**, доктор политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, доцент кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета, e-mail: stas-polit@yandex.ru

Shkel Stanislav, Center for Comparative History and Politics Studies, Department of Political Sciences (Perm State National Research University, Perm, Russia); Department of Political Science, Sociology and Public Relation (Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia), e-mail: stas-polit@yandex.ru

S.N. Shkel

Evolution of the political consciousness in contemporary societies: Does regime matter?

Abstract. The article presents a comparative analysis of the political consciousness in societies of different regime types. The main finding is that the population of hybrid regimes is characterized by a higher level of authoritarian attitudes than in authoritarian ones. It implies that the evolution of social and political consciousness has not linear-progressive, but more complex trajectory. In addition, evidences were found that authoritarian institutions can block the spread of liberal values. Thus, the institutional learning theory proves its correctness not only in democratic, but also in non-democratic regimes.

Keywords: political consciousness; political regimes; institutions; authoritarianism.

В сентябре 1991 г. президент Узбекистана И. Каримов объяснил свое нежелание проводить политические реформы неготовностью узбекского общества к демократии: «Может быть, в других частях СССР, в Прибалтике или Москве, люди способны часами мирно вести себя на демонстрациях, но здесь люди быстро возбуждаются, начинается насилие» [Президент считает... 1991]. Ссылки на неразвитость политического сознания населения – весьма популярный аргумент у современных авторитарных лидеров. К нему, в частности, активно прибегал известный сингапурский политик Ли Куан Ю., выдвинувший тезис о несовместимости демократии с «азиатскими ценностями» и традициями конфуцианства [Dalton, Ong, 2005, p. 2]. Однако насколько такие представления соответствуют реальности? Действительно ли недемократические режимы опираются на ценностные установки большинства населения?

В социальных науках сформировалась традиция, в рамках которой переход к демократии (или, напротив, устойчивость авторитарных режимов) объясняется эволюцией (состоянием) социально-культурных ценностей социума. От Аристотеля и Монтескье до А. де Токвиля и М. Вебера ценностные или культурно-религиозные нормы представлялись главными детерминантами политических изменений. Г. Алмонд и С. Верба первыми исследовали взаимосвязь между ценностными установками населения и политическими режимами, придя к выводу, что такие установки являются важнейшим фактором легитимации или делегитимации политической системы. Для утверждения демократии необходим определенный

уровень распространенности среди населения ценностей и норм, соответствующих «гражданской культуре» [Almond, Verba, 1963].

Ряд эмпирических аргументов в пользу тезиса о влиянии социальных ценностей (человеческого капитала) на политические порядки предложил Р. Патнэм [Putnam, 1993]. Синтезируя культуросцентричный подход с теорией модернизации, Р. Инглхарт и К. Вельцель разработали эмансипационную теорию демократии, согласно которой для перехода к эффективной демократии необходима трансформация ценностных установок населения, определяющаяся, в свою очередь, уровнем экономического развития [Inglehart, Welzel, 2005].

Д. Растоу [Rustow, 1970] положил начало альтернативному направлению в изучении причин режимных транзитов, подчеркивающему роль процедурных решений политических субъектов, которые обуславливают режимные переходы независимо от массового политического сознания [O'Donnell, Shmitter, 1986]. Более того, последователи процедурно-агентского подхода выдвинули тезис, согласно которому атрибуты массового сознания не только не определяют демократический переход, но сами являются продуктом функционирования демократических институтов. Следовательно, именно демократия является предварительным условием рождения демократических ценностей, а не наоборот [Muller, Seligson, 1994; Hadenius, Teorell, 2005].

Между тем дискуссия о причинно-следственных связях между массовыми ценностями и политическими институтами затрагивает в основном проблемы демократизации, оставляя на периферии внимания гибридные и авторитарные режимы [Dahlum, Knutsen, 2015]. Если гражданская культура порождается демократической системой правления, то может ли авторитарный режим схожим образом воспроизводить антидемократические социальные установки или разрушать уже сформированную систему демократических ценностей? И если, как утверждают авторы эмансипационной теории демократии, ценности самовыражения под воздействием экономических факторов возникают в режимах любых типов [Inglehart, Welzel, 2005], является ли этот процесс линейным?

Цель статьи – найти ответы на эти вопросы с помощью анализа данных исследовательского проекта «World Values Survey»¹.

¹ World Values Survey. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

Массовое политическое сознание и режимная среда: В поисках независимой переменной

Понятия «политическая культура» и «политическое сознание» (равно как и «ценности» и «установки») часто используются как синонимы, однако представляется полезным разграничить их. Г. Алмонд и С. Верба определяли политическую культуру как «совокупность преобладающих среди населения убеждений, установок, ценностей, идеалов, чувств и оценок относительно политической системы» [Almond, Verba, 1963, p. 69]. Таким образом, политическая культура выступает в роли общего понятия, включающего целый спектр ментальных элементов, а ценности отличаются от установок более фундаментальным и статичным характером. Как указывает М. Рокич, установки представляют собой совокупность устремлений, направленных на конкретный объект или ситуацию, в то время как ценности формируют некий идеальный и завершенный образ. Поэтому установки характеризуются большей изменчивостью и подвижностью [Rokeach, 1973]. Ценности составляют ядро политической культуры, политическое же сознание охватывает совокупность установок и представляет собой более динамичный, сравнительно быстро меняющийся феномен.

Предметом настоящего исследования являются именно политическое сознание и составляющие его ментальные установки. Нас интересуют не макропараметры общественного сознания – фундаментальные культурные, религиозные, этнические и прочие характеристики социума, – а более динамичные элементы общественного сознания – политические и социокультурные установки.

Исследуя логику эволюции общественного сознания, Р. Инглхарт и К. Вельцель различают «ценности выживания» (survival values) и «ценности самовыражения» (self-expression values) [Inglehart, Welzel, 2005, p. 80–81], а также развивают концепт «эмансипационных ценностей» (emancipative values) [Welzel, 2013]. Разработанная этими учеными эмансипационная теория демократии в концептуально завершенной и эмпирически аргументированной форме рассматривает влияние ценностей и политических установок на процесс демократического перехода, интегрируя постулаты теории политической культуры и теории модернизации.

Приняв за основу тезис С. Липсета о влиянии экономического развития на становление среднего класса и демократизацию поли-

тической системы [Lipset, 1959], Р. Инглхарт и К. Вельцель называют ключевым фактором перехода к демократии распространение среди населения определенного рода ценностей и общественных установок. Последние рассматриваются как промежуточные переменные между экономическим развитием и институциональными переменными в политической сфере. Ученые выделяют три главных результата воздействия социально-экономического развития на ценностные характеристики общества: во-первых, сокращение масштабов бедности расширяет свободу выбора и укрепляет чувство личной безопасности; во-вторых, экономический рост ведет к повышению уровня образования и расширяет доступ людей к информации; в-третьих, он углубляет профессиональную специализацию и усложняет организацию общества, диверсифицируя тем самым взаимодействие между людьми [Inglehart, Welzel, 2005, p. 44].

В то же время ученые пересматривают некоторые постулаты классической теории модернизации применительно к постиндустриальной стадии развития. Свойственное индустриальной фазе стремление к рационализации, централизации и бюрократизации «сменяется движением к личной независимости и ценностям самовыражения»: «В обоих случаях меняется отношение людей к власти, но меняется по-разному. Индустриальная стадия модернизации приводит к секуляризации власти, а постиндустриальная стадия – к эмансипации от власти» [Inglehart, Welzel, 2005, p. 46]. Если индустриализация обуславливает доминирование рационализма и сокращает роль ценностей выживания, то постиндустриальная эпоха формирует ценности самовыражения, под которыми Р. Инглхарт и К. Вельцель понимают совокупность общественных установок с ярко выраженными эмансипационно-гуманистическими чертами: свобода самовыражения, личное принятие решений, экологизм, космополитизм, гендерное равенство, толерантность [Inglehart, Welzel, 2005, p. 86–87]. Именно эти ценности делегитимируют авторитарные режимы и вызывают в обществе стремление к демократизации. Если рационализация и секуляризация порождают не только демократию, но и тоталитаризм, то ценности самовыражения и эмансипационные тенденции однозначно гарантируют демократический переход, а заодно повышают качество функционирования демократических институтов [Inglehart, Welzel, 2005, p. 225–227].

Таким образом, эмансипационная теория демократии признает экономическое развитие главной независимой переменной,

обуславливающей демократизацию. Однако сам по себе экономический рост не ведет к изменению политических институтов. Необходимо также общественное давление, порождаемое запросом значительной части граждан на демократические преобразования. Этот запрос складывается в результате эволюции ценностей и общественных установок. Девальвация ценностей выживания и распространение установок, в основе которых лежат индивидуализм, политическая автономия, свобода самовыражения, гуманизм и толерантность, во многом определяют успешность демократического перехода [Inglehart, Welzel, 2005, p. 315–322].

Данная концепция подверглась критике со стороны сторонников процедурно-агентского подхода и теории институционального обучения, склонных рассматривать демократизацию с точки зрения взаимных отношений между властвующими элитами и оппозицией, борьба которых лишь косвенно связана с настроениями масс и другими структурными ограничениями [Rustow, 1970; O'Donnell, Schmitter, 1986; DiPalma, 1990; Marks, 1992; Przeworski, 1992; Casper, Taylor, 1986]. В качестве главных независимых переменных, влияющих на успешность демократического перехода, они рассматривают модели элитной констелляции, характер коалиционных союзов ключевых политических акторов и другие процедурные действия элитных субъектов [Higley, Burton, 1989; Przeworski, 1991]. Более того, в противовес эмансипационной теории демократии, считающей распространение ценностей самовыражения предпосылкой процесса демократизации, сторонники теории институционального обучения настаивают на том, что формирование подобного рода установок невозможно вне рамок демократических режимов и что само их появление является следствием функционирования демократических институтов. Демократия рассматривается как фактор социализации индивидов, сопровождающейся распространением в обществе эмансипационных установок свободы, активизма, космополитизма, гуманизма и толерантности [Muller, Seligson, 1994; Przeworski, Limongi, 1997; Hadenius, Teorell, 2005]. Несколько упрощая, можно сказать: не демократы создают демократию, а демократия формирует демократов.

Критике подверглось и свойственное теории эмансипационной демократии представление о линейном характере влияния общественных установок на институты. По мнению оппонентов, успешный переход к демократии требует не только определенного

уровня массовых демократических устремлений, но и структуры политических возможностей, позволяющей решать проблему коллективного действия и изменять институты на практике [Tilly, 1978; Tarrow, 1998; McAdam, 1982; Olson, 1965]. Между тем в авторитарных режимах добиться этого непросто, поскольку именно диктаторы устанавливают правила игры и регулярно меняют их в целях удержания власти [The logic... 2003; Brownlee, 2007]. Используя целый спектр стратегических действий [Gerschewski, 2013], они способны не только нейтрализовать политических соперников, но и посредством пропаганды повлиять на ценностные установки масс, блокируя распространение демократических устремлений.

Исследование С. Дахлума и К. Кнутсена выявило сильную корреляцию между либерально-демократическими установками населения и уровнем демократии, но не нашло подтверждений тезису, что именно массовые ценности либерального толка способствуют демократическому транзиту. Согласно их выводам, установки массового сознания скорее содействуют стабилизации уже установившихся демократических институтов, чем являются их предикторами [Dahlum, Knutsen, 2015]. Более того, ученые обнаружили негативную корреляцию между распространением либерально-демократических ценностей и переходом от несвободного к частично свободному режиму. По мнению исследователей, это объясняется тем, что в условиях жесткого авторитаризма распространение среди масс демократических устремлений приводит к репрессивной реакции со стороны режима и, как результат, блокировке демократических процессов. В условиях электорального авторитаризма, где уже существуют определенные «пространства свободы» [Schedler, 2006], оппозиции проще воспользоваться существующей структурой политических возможностей, чтобы нанести поражение инкубенту [Dahlum, Knutsen, 2015].

Таким образом, вопрос о причинно-следственных связях между установками массового сознания и типом политического режима остается дискуссионным [Welzel, Inglehart, Kruse, 2015; Dahlum, Knutsen, 2016]. На основе данных исследовательского проекта «World Values Survey» в данной статье исследуются основные характеристики массового политического сознания в режимах разных типов для ответов на два основных вопроса.

1. Действительно ли недемократическая природа власти обусловлена доминирующими общественными установками?

2. Является ли распространение ценностей самовыражения линейно-поступательным процессом или ему присущ более сложный характер, связанный с влиянием на общественное сознание режимной среды и ключевых политических акторов?

Данные и исследовательский дизайн

В исследовании используются преимущественно результаты опросов шестой волны проекта «World Values Survey» (2010–2014), включающие данные по 61 стране. Для тестирования гипотезы о наличии взаимосвязи между политическими идеалами и формой политического устройства страны разделены на три группы: демократические, гибридные и авторитарные (по характеру политического режима). Градация осуществлялась согласно данным аналитического центра «Freedom House», ранжирующего страны по уровню свобод [Freedom house, 2014]. За основу взяты оценки 2014 г. В соответствии с этой методикой к демократиям отнесены страны, имеющие по семибалльной шкале от 1 до 2,5 баллов, к гибридным режимам – от 3 до 5, к авторитарным – от 5,5 до 7.

Из 61 государства, попавшего в поле исследования шестой волны «World Values Survey», к демократиям относятся 24, к гибридным режимам – 21, к авторитарным – 14. Поскольку в Кувейте, Катаре, Сингапуре, Бахрейне, Белоруссии и Узбекистане респондентам не задавался ряд важных для нас вопросов, эти страны из выборки исключены. В то же время данные по Белоруссии и Узбекистану задействованы при исследовании частных вопросов и для сравнения на уровне отдельных стран. Данные о выборке и градации стран по типу политического режима представлены в табл. 1.

Сравнительный анализ проводился по семи измерениям, для каждого из которых на основе тематически близких вопросов сконструирован специальный индекс – в его основу положен расчет среднего значения по сумме ответов. Первые три измерения относятся к политической составляющей общественного сознания: 1) интерес к политике; 2) уровень политического участия; 3) ин-

декс авторитарных установок. Остальные четыре измерения связаны с социокультурными установками и нацелены на выявление уровней: 1) религиозности; 2) межличностного доверия; 3) ксенофобии; 4) одобрения принципов гендерного равенства.

Таблица 1

Распределение стран по типам политических режимов

Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Аргентина	Армения	Алжир
Австралия	Колумбия	Азербайджан
Бразилия	Эквадор	Китай
Кипр	Египет	Ирак
Чили	Грузия	Иордан
Эстония	Гонконг	Казахстан
Германия	Кыргызстан	Россия
Гана	Ливан	Руанда
Индия	Ливия	Йемен
Япония	Малайзия	Зимбабве
Нидерланды	Мексика	
Новая Зеландия	Марокко	
Перу	Нигерия	
Польша	Пакистан	
Румыния	Филиппины	
Словения	Таиланд	
Южная Корея	Тунис	
Южная Африка	Турция	
Испания	Украина	
Швеция		
Тайвань		
Тринидад и Тобаго		
США		
Уругвай		

Кроме того, отдельно сравнивались ответы на вопросы, связанные с пониманием сущности демократии. В опросе «World Values Survey» есть девять вопросов на эту тему, которые можно разделить на три группы. Каждая из групп оценивает степень при-

ятия / неприятия моделей демократии, которые можно условно обозначить как «социальную», «либеральную» и «демократию под опекой». Перечень вопросов, отобранных для измерения каждого параметра и построения индексов, приведен в табл. 2.

Политические и социокультурные установки

Наименьшие различия зафиксированы при ответе на вопросы, касающиеся интереса к политике. В демократиях соответствующий индекс не намного выше, чем в авторитарных режимах: 44,1 против 41,2. При этом наиболее политизировано население стран с гибридными режимами (46,6). Однако в целом разница между режимами по этому показателю не слишком велика (табл. 3).

Несколько более существенны различия в уровне политической активности (табл. 4). В демократиях граждане более активно прибегают к акциям прямого действия – от подписания петиций до участия в мирных протестных шествиях: общий индекс политической активности – 21,9 (в гибридных режимах – 18, в авторитарных – 15,1). Таким образом, интерес к политике далеко не всегда трансформируется в политическую активность. Можно предположить, что это связано с влиянием режимной среды. В авторитарных режимах, где цена участия в протестных акциях существенно выше, люди, в отличие от демократий, вполне рационально делают выбор в пользу пассивности [Kuran, 1991].

Наиболее существенными оказались различия, касающиеся подписания петиций. Если в демократиях в подобной форме политического активизма участвовала почти треть опрошенных, то в гибридных режимах – всего 10,4%, а в авторитарных – 7,4%. Именно эту форму политического участия Р. Инглхарт и К. Вельцель считают маркером, характеризующим развитость ценностей самовыражения и эмансипации от власти [Inglehart, Welzel, 2005, p. 81]. Специфика политического поведения граждан в разных режимах не означает ее обусловленности определенной системой политических установок. Можно ли утверждать, что в недемократических режимах сознание граждан более авторитарно?

Ответить на этот вопрос поможет сравнение индексов авторитарных установок населения. Согласно полученным результатам, демократии и авторитарные режимы в этом отношении почти

не различаются: в первых индекс составил 26,6, во вторых – 25,2 (табл. 5). Несколько выше уровень авторитарных установок в странах с гибридными режимами – 31,8. Как можно видеть на рис. 1, особенно ярко специфика гибридных режимов проявляется при оценке приемлемости персонализма и опоры на военных.

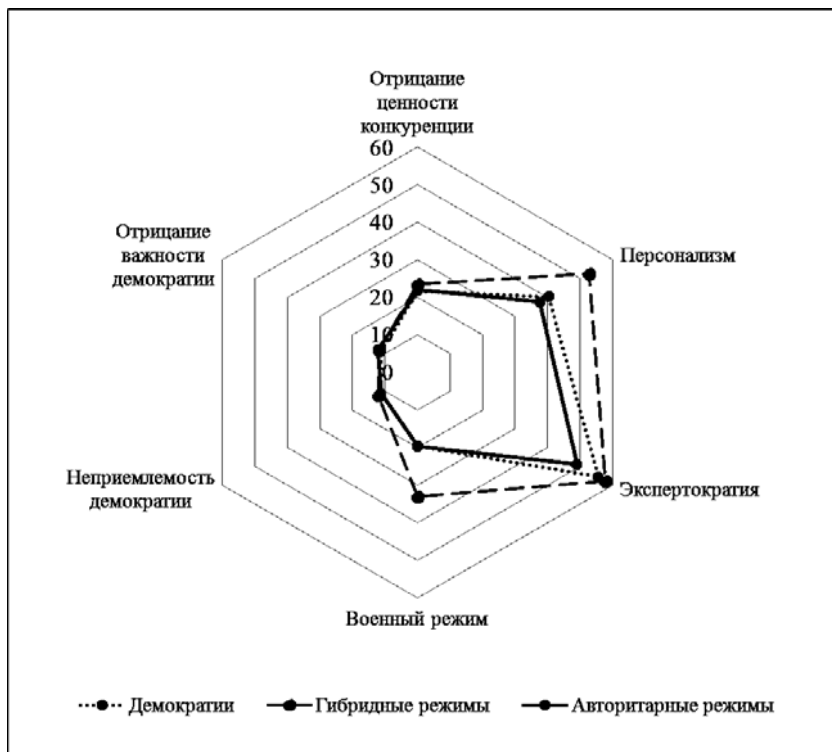

Рис. 1.

**Оценка респондентами элементов,
составляющих индекс авторитарных установок**

Между тем, как уже отмечалось в ряде исследований [Beetham, 2009; Mattes, 2007; Klingemann, 2014; Inglehart, 2003; Welzel, 2013, Shin, 2016], высокая оценка респондентами демократии не всегда означает ее поддержку на практике, поскольку люди зачастую очень по-разному понимают сущность демократических ценностей и ключевых принципов демократического правления.

Сравнительный анализ обнаруживает общее и специфическое в понимании сущности демократии в обществах с разными политическими режимами. Практически не возникает разногласий при оценке атрибутов либеральной модели демократии. Почти во всех странах, независимо от типа политического режима, подавляющее большинство населения считает существенными элементами демократического правления свободные выборы, гражданские свободы, равенство между мужчинами и женщинами. Соответствующие индексы во всех режимах колеблются в диапазоне от 74,2 до 78,1 (табл. 6).

Некоторая специфика наблюдается при оценке элементов социальной модели демократии. В гибридных и особенно авторитарных режимах люди более склонны считать признаками демократической системы выполнение государством социальных обязательств, гарантирующих гражданам минимум благ и ведущих к выравниванию их имущественного положения. Так, в демократических режимах индекс оценки социальной модели демократии составил 57,3, в гибридных – 61,3, в авторитарных – 66,3. Судя по всему, более высокая поддержка ценностей социальной справедливости в недемократических режимах объясняется большей остротой проблемы бедности [Voix, Stokes, 2003; Bunce, 2000].

Однако наиболее существенна разница в понимании ключевых признаков демократической системы при оценке таких характеристик, которые по большому счету не могут считаться демократическими. Речь идет о трех признаках, условно объединенных понятием «демократия под опекой». В частности, право религиозных авторитетов трактовать законы считают признаком демократической системы 21,9% респондентов в демократиях, 32,7 – в авторитарных режимах, 38,7 – в гибридных. Вмешательство армии в политику рассматривают как вполне демократическую меру 27,3% респондентов в демократиях, 38,1 – в авторитарных режимах, 40,3% – в гибридных. Примерно такая же разница наблюдается при оценке подчинения граждан своим правителям. Признаком демократического правления этот параметр назвали 45,5% респондентов в демократиях, 59 – в гибридных режимах, 62% – в авторитарных.

Таким образом, несмотря на общую декларативную поддержку населением демократических ценностей, сущность демократии в разных режимах понимается по-разному. В авторитарных и гибридных режимах социальная модель вызывает бо́льшие

симпатии, чем в демократиях. Кроме того, граждане этих стран в большей мере готовы поддержать атрибуты, характерные для авторитарного правления. При этом в гибридных режимах уровень поддержки антидемократических атрибутов выше, чем в авторитарных.

Согласно эмансипационной теории демократии, важнейшее условие успешной демократизации заключается в распространении среди населения ценностей самовыражения, среди которых ключевые – рациональность, межличностное доверие, стремление к гендерному равенству и толерантности [Inglehart, Welzel, 2005, p. 81]. Ниже представлен анализ социокультурных установок по четырем индексам – доверия, религиозности, восприятия гендерного равенства и уровня ксенофобии.

Индекс доверия в демократиях и авторитарных режимах почти одинаков: 48,9 и 49,1 соответственно. Несколько ниже он в гибридных режимах – 45 (табл. 7). Особенно значительна разница при ответе на самый общий вопрос: «Большинству людей можно доверять или скорее с ними нужно быть очень осторожными?» В гибридных режимах людям склонны доверять лишь 16% респондентов, в демократиях – 27,6, в авторитарных режимах – 28,9%. Как видим, в авторитарных режимах уровень доверия даже выше, чем в демократиях.

Гибридные режимы отличаются также повышенным уровнем религиозности (табл. 8). Если в демократиях и авторитарных режимах показатели индекса религиозности сопоставимы (54 и 56,9 соответственно), то в гибридных режимах они достигают 70,1.

Зато гибридные и авторитарные режимы близки по уровню ксенофобии и признания гендерного равенства. В демократиях индекс нетерпимости к представителям иных культур или сексуальным меньшинствам составляет 26,9, в авторитарных режимах – 37,1, в гибридных – 40,1 (табл. 9). Уровень поддержки идеи гендерного равенства в демократиях достигает 61,4, в авторитарных режимах – 47,5, в гибридных – 50,3 (табл. 10).

Таким образом, разные типы режимов характеризуются специфическими социокультурными установками массового сознания, в особенности по таким параметрам, как религиозность, ксенофобия и отношение к идее гендерного равенства. В демократиях население демонстрирует более высокую межкультурную терпимость и толерантнее воспринимает идею гендерного равенства.

Вместе с тем, как и в случае с политическими установками, гибридным режимам даже в большей мере, чем авторитарным, свойственны архаичные ценностные нормы. В частности, они обгоняют авторитарные режимы по уровню религиозности, одновременно уступая им по части толерантности и межличностного доверия (рис. 2).

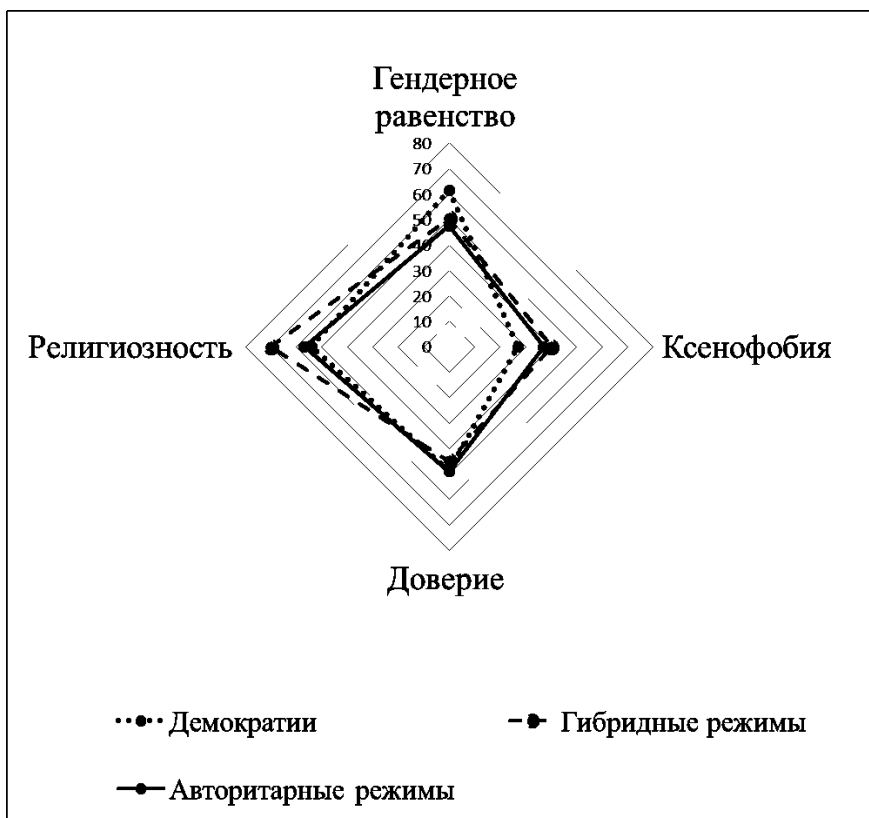

Рис. 2.
Индексы социокультурных установок населения
в разных режимах

Это обстоятельство ставит под сомнение взгляд на распространение ценностей самовыражения как предпосылку успешной демократизации. Социологические данные свидетельствуют о том, что гибридизация политического режима, т.е. его частичная демо-

кратизация и формирование элементов соревновательного авторитаризма [Levitsky, Way, 2010; Electoral Authoritarianism, 2006], обязательно подталкивает аттитюды общественного сознания к эволюции в либерально-демократическом направлении. Напротив, такие трансформации могут способствовать реанимации авторитарных установок граждан.

Влияние режимной среды на массовое политическое сознание: Логика авторитарного отката

Хотя внешне гибридные режимы более демократичны, чем закрытые или гегемонистские авторитарные режимы [Howard, Roessler, 2006], они нестабильны и крайне неэффективны с экономической точки зрения. Как заметил Г. Голосов: «С точки зрения экономической политики, электоральный авторитаризм – это худший из миров» [Голосов, 2012, с. 173].

В отличие от авторитарных, гибридные режимы стремятся к электоральной легитимности, однако проводимые ими выборы проходят в условиях административного давления и призваны не столько выявлять политические предпочтения граждан, сколько способствовать легитимации правящих групп [Gandhi, Przeworski, 2007; Gandhi, 2008]. Это имеет два важных последствия.

Во-первых, среди механизмов поддержания лояльности элит в гибридных режимах доминирует кооптация, а не репрессии. Интегрируя ключевых политических игроков, режим допускает их к разделу ренты [The logic... 2003], а это осложняет возможность проведения эффективной экономической политики.

Во-вторых, потребность в электоральной легитимизации вынуждает правящие элиты «покупать» лояльность граждан, порождая политический популизм и иррациональные экономические решения. Все вместе это приводит к экономическим издержкам и росту коррупции, которая становится ключевым механизмом управления элитами и обеспечения их лояльности авторитарному лидеру [Darden, 2008].

Политическая конкуренция в гибридных режимах носит неопатримониальный характер [Bratton, Nicolas van de Walle, 1997; Fisun, 2012; Robinson, 2011, Шкель, 2014] и, в отличие от демократий, ведет не к сокращению коррупции, а к политической неста-

бильности. Опыт развития посткоммунистических стран свидетельствует, что именно для гибридных режимов характерны массовые выступления, выливающиеся в электоральные революции [McFaul, 2006].

Рисунок 3 дает представление о коррупции и демократии в 28 странах посткоммунистического пространства. Между соответствующими индексами существует сильная корреляция – можно говорить, что демократизация способствует сокращению коррупции (коэффициент корреляции Пирсона = 0,914). Тем не менее в гибридных режимах уровень коррупции сравнительно высок. В частности, Молдова, Кыргызстан, Украина и Армения по этому показателю близки к авторитарным государствам бывшего СССР.

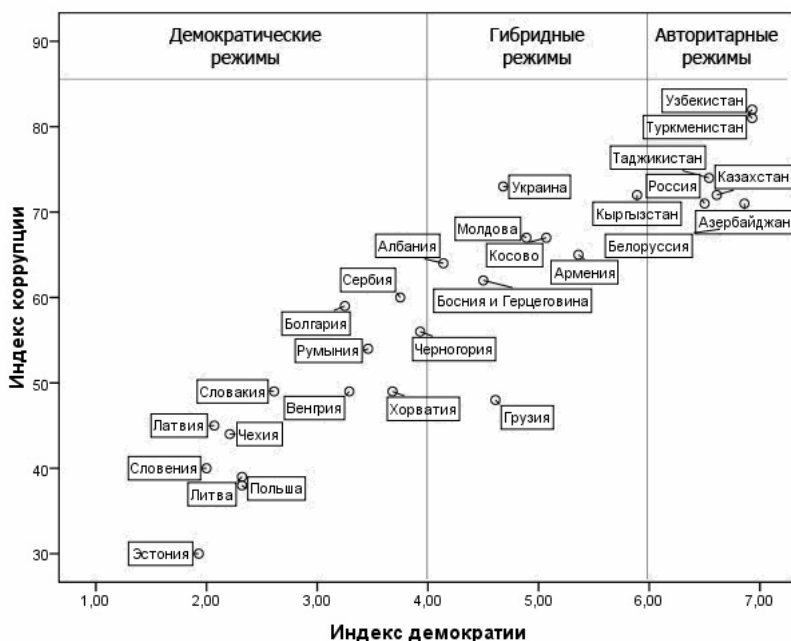

Рис. 3.

Индексы коррупции и демократии в посткоммунистических странах (N=28)

Источник: [Nations in transit 2016, 2016; Corruption perceptions index 2015, 2016].

Можно предположить, что в гибридных режимах, с их сравнительно высокой конкуренцией [Шкель, 2015], уровень полити-

ческой мобилизации масс возрастает, однако если при этом не утверждается верховенство права и не повышается эффективность государственного управления [Kalandadze, Orenstein, 2009], а электоральные революции и силовые перевороты не приводят к выходу из «порочного круга неопатримониализма» [Gel'man, 2016], то население вполне ожидаемо разочаровывается в демократии и начинает симпатизировать авторитарным порядкам.

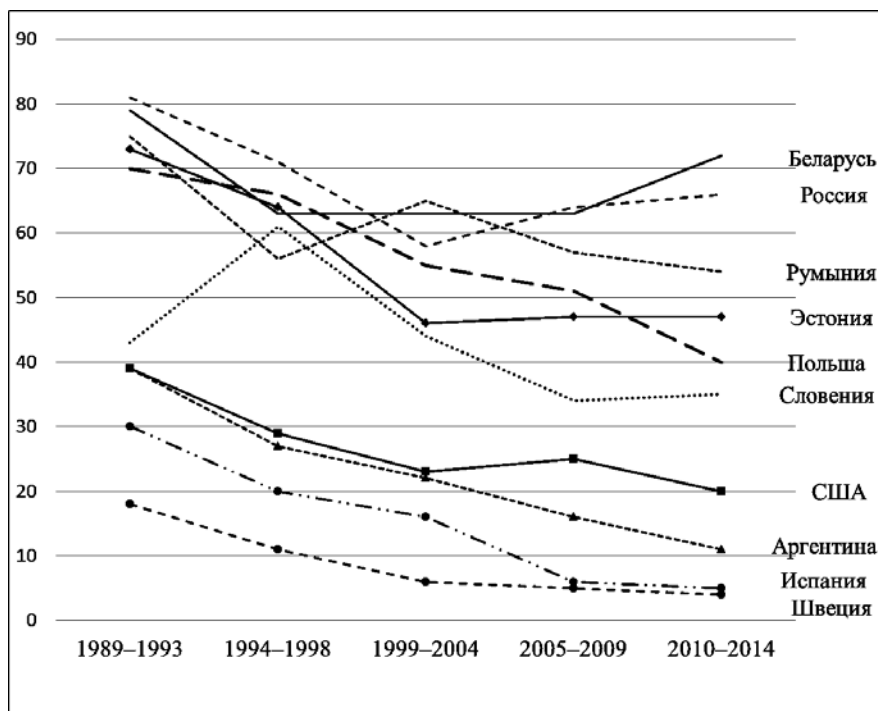

Рис. 4.

Доля респондентов, отметивших гомосексуалистов как нежелательных соседей

Однако на уровне общественного сознания авторитарный откат может произойти не только в силу институциональной специфики режима, но и вследствие целенаправленных усилий правящих элит. В условиях полномасштабного авторитаризма, когда альтернативные политические силы подавлены или кооптированы, правящие элиты имеют в своем распоряжении средства пропаганды, с

помощью которых им удастся добиваться не только лояльности большинства населения, но и смены доминирующих трендов в общественном сознании. На рис. 4 представлены данные об отношении населения разных стран мира к перспективе видеть в качестве соседей гомосексуалистов. Этот вопрос выявляет уровень ксенофобии и дает представление о распространенности в обществе установок терпимости, являющихся, согласно эмансипационной теории демократии, важнейшими атрибутами ценностей самовыражения.

Таким образом, можно выделить три группы стран. Максимальная терпимость к сексуальным меньшинствам характерна для государств с укоренившейся и стабильно работающей демократической системой. И хотя, как в случае с США, уровень нетолерантности может колебаться, в целом заметен тренд к его последовательному снижению. Вторая группа – посткоммунистические «молодые демократии», в которых уровень нетерпимости заметно выше. Динамика общественных настроений еще более неоднозначна (особенно в Румынии), но в целом также заметен тренд к постепенному снижению ксенофобских настроений. В третью группу вошли Россия и Белоруссия, постсоветская трансформация которых завершилась консолидацией авторитарных режимов. Характерно, что в период постсоветской демократизации уровень ксенофобии в обеих странах снижался. Однако с момента установления авторитаризма (в Белоруссии – с 1994 г., в России – с начала 2000-х), направление меняется на противоположное. При этом ксенофобия нарастала в условиях экономического роста и распространения информационных технологий, поэтому оно не может быть объяснено бедностью или другими проявлениями социально-экономической архаизации. Эти случаи объясняются скорее влиянием авторитарной режимной среды, в которой средства пропаганды способны не только маргинализировать оппозицию в глазах избирателей, но и изменять политические и социокультурные установки общества.

Заключение

Сравнительный анализ установок массового политического сознания позволяет заключить, что, вопреки широко распространенному мнению, во всех странах мира, независимо от типа политического режима, большинство населения считает демократию по-

литическим идеалом и не подвергает сомнению важность таких принципов, как избираемость власти, свободные выборы и честная политическая конкуренция.

В наибольшей степени авторитарные установки, а также искаженное представление о сущности демократического правления присущи не авторитарным, а гибридным режимам, население которых отличается наиболее высоким уровнем ксенофобии и религиозности. Это можно объяснить прежде всего влиянием режимной среды. Более высокий по сравнению с полномасштабным авторитаризмом уровень политического плюрализма не ведет в этих странах к распространению либерально-демократических ценностей. Напротив, дефекты государственного управления и экономической политики вызывают массовое разочарование в идеалах демократии и приводят к авторитарному откату.

Другими словами, эволюция общественного сознания – не линейно-поступательный процесс, она имеет более сложную траекторию. Кроме экономических условий на массовые аттитюды влияют также политические институты и стратегические действия политиков. При этом гибридные режимы отнюдь не всегда благоприятствуют распространению демократических ценностей, а режимная гибридизация не обязательно выливается в демократизацию. Напротив, она может стать институциональной ловушкой, создающей предпосылки для последующего авторитарного отката.

Обнаружены также свидетельства изменения основных трендов общественного сознания в условиях авторитаризма под воздействием пропаганды. Так, в России и Белоруссии, несмотря на благоприятную экономическую конъюнктуру 2000-х годов, авторитарная трансформация пресекла распространение в обществе ряда эмансипационных установок. Таким образом, тезис теории институционального обучения о влиянии институтов на политическое сознание подтверждается и применительно к авторитарным режимам: авторитарные практики способны блокировать развитие либеральных установок и создавать условия для распространения антидемократических массовых аттитюдов.

Список литературы

- Голосов Г. Демократия в России: Инструкция по сборке. – СПб.: БХВ – Петербург, 2012. – 208 с.
- Президент считает, что его республика не готова к демократии // Известия. – М., 1991. – 17 сентября, № 222. – С. 1.
- Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем: Башк. энцикл., 2014. – 352 с.
- Шкель С.Н. Режимная динамика постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – Пермь, 2015. – № 1. – С. 6–24.
- Almond G., Verba S. The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. – Princeton: Princeton univ. press, 1963. – 576 p.
- Beetham D. Democracy: Universality and diversity // Ethics and global politics. – Järfälla, 2009. – Vol. 2, N 4. – P. 28–296.
- Boix C., Stokes S.C. Endogenous Democratization // World politics. – Baltimore, 2003. – Vol. 55. – P. 517–549.
- Bratton M., Walle van de N. Democratic experiments in Africa: Regime transitions in comparative perspective. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. – 332 p.
- Brownlee J. Authoritarianism in an age of democratization. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 264 p.
- Bunce V. Comparative Democratization big and bounded generalizations // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2000. – Vol. 33, N 6–7. – P. 703–734.
- Casper G., Taylor M. Negotiating democracy: Transitions from authoritarian rule. – Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh press, 1996. – 288 p.
- Corruption perceptions index 2015 // Transparency international. – 2016. – Mode of access: <http://www.transparency.org/cpi2015> (Дата посещения: 04.11.2016.)
- Dahlum S., Knutsen C.H. Democracy by demand? Reinvestigating the effect of self-expression values on political regime type // British journal of political science. – Cambridge, 2015. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1017/S0007123415000447> (Дата посещения: 07.10.2016.)
- Dahlum S., Knutsen C.H. What counts as evidence? Panel data and the empirical evaluation of revised modernization theory // British journal of political science. – Cambridge, 2016. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1017/S0007123416000107> (Дата посещения: 07.10.2016.)
- Dalton R., Ong N.T. Authority orientations and democratic attitudes: A test of the «Asian alues» hypothesis // Japanese journal of political science. – Cambridge, 2005. – Vol. 6, N 2. – P. 1–21.
- Darden K. The integrity of corrupt states: Graft as an informal state institution // Politics & society. – Washington, DC, 2008. – Vol. 36, N 1. – P. 35–60.
- Di Palma G. To craft democracies: An essay on democratic transitions. – Berkeley: Univ. of California press, 1990. – 248 p.
- Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition / ed. by A. Schedler. – Boulder, CO; London, UK: Lynne Rienner Publishers, 2006. – 268 p.

- Fisun O.* Rethinking post – Soviet politics from a neopatrimonial perspective // *Demokratizatsiya: The journal of post–Soviet democratization.* – Washington, DC, 2012. – Vol. 20, N 2. – P. 87–96.
- Gandhi J.* Political institutions under dictatorship. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – 258 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and survival of autocrats // *Comparative political studies.* – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Gel'man V.* The vicious circle of post – Soviet neopatrimonialism in Russia // *Post-Soviet affairs.* – Washington, DC, 2016. – Vol. 32, N 5. – P. 455–473.
- Gerschewski J.* The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes // *Democratization.* – L., 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 13–38.
- Hadenius A., Teorell J.* Cultural and Economic Prerequisites of Democracy: Reassessing Recent Evidence // *Studies in comparative international development.* – Providence, 2005. – Vol. 39, N 4. – P. 87–106.
- Higley J., Burton M.G.* The elite variable in democratic transitions and breakdowns // *American sociological review.* – Cambridge, 1989. – Vol. 54, N 1. – P. 17–32.
- Howard M., Roessler Ph.* Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes // *American journal of political science.* – Michigan, 2006. – Vol. 50, N 2. – P. 365–381.
- Inglehart R.* How solid is mass support for democracy – and how can we measure it? // *PS: Political Science & Politics.* – Cambridge, 2003. – Vol. 36, N 1. – P. 51–57.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, cultural change and democracy. The human development sequence. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2005. – 344 p.
- Kalandadze K., Orenstein M.* Electoral protests and democratization beyond the color revolutions // *Comparative political studies.* – Thousand Oaks, CA, 2009. – Vol. 42, N 11. – P. 1403–1425.
- Klingemann H.D.* Dissatisfied democrats: Democratic maturation in old and new democracies // *The civic culture transformed* / Ed. by R. Dalton, C. Welzel. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2014. – P. 116–157.
- Kuran T.* Now out of never: The element of surprise in the East European revolution of 1989 // *World politics.* – Baltimore, 1991. – Vol. 44, N 1. – P. 7–48.
- Levitsky S., Way L.* Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold War. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 517 p.
- Lipset S.M.* Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // *The American political science review.* – Washington, D.C., 1959. – Vol. 53, N 1. – P. 69–105.
- Marks G.* Rational sources of chaos in democratic transitions // *Reexamining democracy: Essays in honor of Seymour Martin Lipset* / Ed. by G. Marks, L. Diamond. – L.: Sage, 1992. – P. 47–69.
- Mattes R.* Public opinion research in emerging democracies // *The Sage handbook of public opinion research* / Ed. by W. Donsbach, M.W. Traugott. – L.: Sage, 2007. – P. 113–122.
- McAdam D.* Political process and the development of black insurgency, 1930–1970. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1982. – 304 p.

- McFaul M.* The orange revolution in a comparative perspective // *Revolution in orange: The origins of Ukraine's democratic breakthrough* / Ed. by A. Aslund, M. McFaul. – Washington, DC: Carnegie endowment for international peace, 2006. – P. 165–197.
- Muller E.N., Seligson M.A.* Civic culture and democracy: The question of causal relationships // *The American political science review.* – Washington, D.C., 1994. – Vol. 88, N 3. – P. 635–652.
- Nations in transit 2016 // Freedom house. – 2016. – Mode of access: https://www.freedom-house.org/sites/default/files/FH_NIT2016_Final_FWeb.pdf (Дата посещения: 04.11.2016.)
- O'Donnell G., Schmitter P.C.* Transitions from authoritarianism. Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 81 p.
- Olson M.* The logic of collective action: Public goods and the theory of groups. – Harvard: Harvard economic studies, 1965. – 208 p.
- Przeworski A.* Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 1991. – 210 p.
- Przeworski A.* The games of transition // *Issues in democratic consolidation: The new South American democracies in comparative perspective* / Ed. by S. Mainwaring, G. O'Donnell, A. Valenzuela. – Notre Dame: Univ. of Notre Dame press, 1992. – P. 105–152.
- Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theories and facts // *World politics.* – Baltimore, 1997. – Vol. 49, N 2. – P. 155–183.
- Putnam R.D.* Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. – Princeton: Princeton univ. press, 1993. – 280 p.
- Robinson N.* Russian patrimonial capitalism and the international financial crisis // *Journal of communist studies and transition politics.* – L., 2011. – Vol. 27, N 3–4. – P. 434–455.
- Rokeach M.* The nature of human values. – N.Y.: Free Press, 1973. – 438 p.
- Rustow D.* Transitions to democracy: Towards a dynamic model // *Comparative politics.* – N.Y., 1970. – Vol. 2, N 3. – P. 337–363.
- Schedler A.* The logic of electoral authoritarianism // *Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition* / Ed. by A. Schedler. – Boulder, CO; L.: Lynne Rienner Publishers, 2006. – P. 1–23.
- Shin D.Ch.* Western theories versus East Asian realities: Political system preferences among East Asians / CSD Working papers. – Center for the study of democracy: Univ. of California Irvine, 2016. – Mode of access: <http://escholarship.org/uc/item/20c7w3m4> (Дата посещения: 30.10.2016.)
- Tarrow S.* Power in movement: Social movements and contentious politics. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1998. – 330 p.
- The logic of political survival / Bueno De Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. – Cambridge: The MIT Press, 2003. – 536 p.
- Tilly C.* From mobilization to revolution. – Reading: Addison – Wesley, 1978. – 349 p.
- Welzel C.* Freedom rising. Human empowerment and the quest for emancipation. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2013. – 443 p.
- Welzel C., Inglehart R., Kruse S.* Pitfalls in the study of democratization: Testing the emancipatory theory of democracy // *British journal of political science.* – Cambridge, 2016. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1017/S0007123415000605> (Дата посещения: 30.10.2016.)

World Values Survey wave 6 (2010–2014). – 2015. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (Дата посещения: 30.10.2016.)

Приложение

Таблица 2

Вопросы «World Values Survey» (2010–2014) для составления индексов

Политические установки		
Название индекса	Вопросы	№ в опросной анкете
1	2	3
Интерес к политике	Насколько важную роль играет в Вашей жизни политика?	7
	Насколько Вам интересна политика?	84
Политическая активность	Являетесь ли Вы активным / неактивным членом политической партии?	29
	Подписывали ли Вы политические петиции?	85
	Присоединялись ли Вы к бойкоту?	86
	Участвовали ли Вы в мирных демонстрациях?	87
	Участвовали ли Вы в забастовке?	88
	Участвовали ли Вы в иной протестной акции?	89
Индекс авторитарных установок	Как Вы считаете, конкуренция – это вред или благо?	99
	Как Вы относитесь к политической системе с сильным лидером, который не ограничен парламентом и выборами?	127
	Как Вы относитесь к политической системе, в которой управляет не подотчетное народу правительство, а эксперты, принимающие решения независимо от воли народа?	128
	Как Вы относитесь к политической системе, в которой власть принадлежит военным?	129
	Как Вы относитесь к демократической политической системе?	130
	Насколько важно для Вас жить в стране с демократической властью?	140
Социально-культурные установки		
Название индекса	Вопросы	№ в опросной анкете
Религиозность	Насколько важную роль играет в Вашей жизни религия?	
	Играет ли религия важную роль в семейном воспитании?	19
	Принадлежите ли Вы к какой-либо религиозной конфессии?	144
	Как часто Вы посещаете религиозные службы?	145

Продолжение таблицы 2

1	2	3
	Как часто вы молитесь?	146
	Независимо от того, как часто Вы посещаете религиозные службы, можете ли Вы себя назвать религиозным человеком?	147
	Верите ли Вы в Бога?	148
	Согласны ли Вы с утверждением: «Когда наука и религия конфликтуют, религия всегда права»?	153
Доверие	Можно ли доверять большинству людей или скорее с ними нужно быть очень осторожными?	24
	Насколько Вы доверяете своим соседям?	103
	Насколько Вы доверяете людям, которых знаете лично?	104
	Насколько Вы доверяете людям, которых встретили впервые?	105
Ксенофобия	Кого бы Вы не хотели видеть в качестве соседей? Людей другой расы?	37
	Кого бы Вы не хотели видеть в качестве соседей? Иммигрантов и зарубежных рабочих?	39
	Кого бы Вы не хотели видеть в качестве соседей? Гомосексуалистов?	40
	Кого бы Вы не хотели видеть в качестве соседей? Людей другой религии?	41
	Кого бы Вы не хотели видеть в качестве соседей? Людей, разговаривающих на другом языке?	44
	Насколько Вы доверяете людям другой религии?	106
	Насколько Вы доверяете людям другой национальности?	107
	Согласны ли Вы с утверждением: «Люди другой религии, возможно, также моральны, как люди моей религии»?	156
Гендерное равенство	Согласны ли Вы с утверждением: «Когда работы не хватает, мужчины должны иметь преимущество перед женщинами»?	45
	Согласны ли Вы с утверждением: «Когда женщина зарабатывает больше, чем мужчина, это почти всегда становится причиной проблем»?	47
	Согласны ли Вы с утверждением: «Работа для женщины – это лучший способ получить независимость»?	48
	Согласны ли Вы с утверждением: «Когда мать посвящает себя работе, то дети всегда страдают»?	50
	Согласны ли Вы с утверждением: «В целом мужчины – лучшие политические лидеры, чем женщины»?	51
	Согласны ли Вы с утверждением: «Для мальчиков более важно получить высшее образование, чем для девочек»?	52
	Согласны ли Вы с утверждением: «Равенство прав между мужчинами и женщинами – существенный признак демократии»?	139

Продолжение таблицы 2

Понимание демократии		
Название индекса	Вопросы	№ в опросной анкете
Социальная модель демократии	С помощью налоговой системы правительство перераспределяет доходы богатых в пользу бедных	131
	Люди получают государственное пособие по безработице	134
	Государство стремится к равенству доходов населения	137
Либеральная модель демократии	Люди выбирают своих лидеров на свободных выборах	133
	Гражданские права и свободы людей защищены от государственного произвола	136
	Женщины имеют равные права с мужчинами	139
Демократия под опекой	Религиозные авторитеты имеют право интерпретировать законы	132
	Армия может заменить власть в случае некомпетентности правительства	135
	Люди должны подчиняться своим правителям	138

Источник: [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 3

Интерес к политике

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Важность политики	42	46,7	39,8
Интерес к политике	46,2	46,5	42,7
Индекс	44,1	46,6	41,2

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 4

Политическая активность

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Членство в партиях	18,6	11,5	14,3
Участие в подписании петиций	29,2	10,4	7,4
Участие в бойкоте	8,4	4,5	2,8
Участие в мирных демонстрациях	14,5	13	7,6
Участие в забастовках	10,4	7,3	3,8
Участие в других протестных акциях	6,2	4,2	2,7
Индекс	21,9	18	15,1

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 5

Популярность авторитарных установок

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Отрицание полезности конкуренции	21,7	23,5	22,1
Приверженность сильной власти лидера	40,4	52,7	37,6
Приверженность экспертократии	55,6	57,7	49
Приверженность военному режиму	19,8	33,1	19,7
Неприемлемость демократии	11,2	12	11,2
Отрицание важности демократии	11,2	11,9	12,1
Индекс	26,6	31,8	25,2

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 6

Понимание демократии

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Социальная модель демократии			
С помощью налогов доходы богатых перераспределяются в пользу бедных	56,3	59,3	61,1
Людям гарантирована государственная помощь в случае безработицы	67,7	67,5	74,5
Государство стремится к равенству доходов населения	48,1	57,2	63,5
Индекс	57,3	61,3	66,3
Либеральная модель демократии			
Наличие свободных выборов	81,4	77,8	78,1
Наличие гражданских прав и свобод	71,3	70	75,1
Равенство прав мужчин и женщин	81,7	75	73,8
Индекс	78,1	74,2	75,6
Демократия под опекой			
Религиозные авторитеты имеют право трактовать законы	21,9	38,7	32,7
Армия может заменить власть в случае некомпетентности правительства	27,3	40,3	38,1
Люди должны подчиняться своим правителям	45,5	59	62
Индекс	31,5	46	44,2

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 7

Доверие

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Доверие большинству людей	27,6	16	28,9
Доверие соседям	67,2	73	74,6
Доверие знакомым	75,5	72	73,9
Доверие людям при первом знакомстве	25,3	19	19
Индекс	48,9	45	49,1

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 8

Религиозность

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Важность религии	60,3	88,5	66,3
Роль религии в семейном воспитании	35,9	52,9	38,6
Относят себя к религиозным конфессиям	72,3	85	77,9
Часто посещают религиозные службы (не реже одного раза в месяц)	39	49,4	37,8
Часто молятся (не реже одного раза в неделю)	51,5	68,3	48,5
Считают себя религиозными	61,5	70,5	62,6
Верят в Бога	77,1	82,8	74,7
В конфликте между религией и наукой, всегда выступают на стороне религии	34,5	63,7	49
Индекс	54	70,1	56,9

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 9

Ксенофобия

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
1	2	3	4
Не хотел бы иметь соседом человека другой расы	15,1	24,3	18,9
Не хотел бы иметь соседом иммигранта	24,2	26,7	24,5
Не хотел бы иметь соседом гомосексуалиста	33,3	56,2	71,4
Не хотел бы иметь соседом человека другой религии	15,1	27,1	20
Не хотел бы иметь соседом иноязычного	15,8	22,2	16,6
Недоверие к людям другой религии	44,2	66,9	57,4

Продолжение таблицы 9

1	2	3	4
Недоверие к людям другой национальности	49,1	70	60,1
Отрицание морального равенства вероисповеданий	18,7	28	28,1
Индекс	26,9	40,1	37,1

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].

Таблица 10

Гендерное равенство

	Демократии	Гибридные режимы	Авторитарные режимы
Мужчины должны иметь больше прав при трудоустройстве, чем женщины*	52,2	33,7	30
Если женщина зарабатывает больше мужа, то начинаются проблемы*	45,9	35	32,8
Работа для женщины – это лучший способ быть независимой**	59,9	55,5	46,7
Работающая женщина – причина страданий детей*	54,7	43,7	45,5
В целом мужчины лучшие политики, чем женщины*	59,3	40,4	34,2
Образование важнее для мальчиков, чем для девочек*	76,4	69,2	69,8
Равенство прав женщин – существенный признак демократии**	81,7	75	73,8
Индекс	61,4	50,3	47,5

* Доля несогласных с утверждением

** Доля согласных с утверждением

Источник: рассчитано по данным World Values Survey (2010–2014) [World Values Survey wave 6, 2015].